

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Обуховой Ирины Андреевны
«Семантика эмограмм в цифровой коммуникации:
психолингвистическое и векторное моделирование» (Пермь, 2026),
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Исследования поликодового и мультимодального аспекта коммуникации в последние годы приобретают все большую популярность – растет число научных статей этой тематики, появляются целые секции соответствующей направленности на лингвистических конференциях. В частности, изучение онлайн коммуникации в новых медиа, для которых мультимодальность выступает одной из определяющих черт, представляется совершенно закономерным. При этом одна из наиболее проблемных, болезненных точек такого рода исследований – методологическая, что, например, отмечается в относительно недавно вышедшей коллективной монографии «Полимодальные измерения дискурса» (Отв. ред О.К. Ирисханова, М. 2022).

Поэтому крайне востребованными оказываются работы, которые минимизировали бы субъективизм исследователя, предлагали бы **прозрачную, четко сформулированную методику, основанную на объективных, количественно измеримых критериях** – а рецензируемая диссертация, безусловно, относится к числу таких работ. Это определяет **актуальность и новизну** диссертации И.А. Обуховой. Автор при формулировке актуальности делает упор на разработке концепции личности, что в большей мере важно для социальной психологии, а также на анализе больших данных, однако, мне кажется, что в первую очередь **исследование полезно с точки зрения разработки подходов и методов анализа мультимодальной коммуникации и медиалингвистики**. Впрочем, оно вносит вклад и в корпусную лингвистику, социалингвистику, а также может быть полезным для смежных дисциплин социо-гуманитарного цикла, что говорит о разносторонности рецензируемого диссертационного исследования и его выраженном междисциплинарном характере.

Работа фокусируется на одном из наиболее распространенных аспектов включения иконических элементов в вербальные тексты в социальных сетях – эмограммах, к которым автор относит эмотиконы и эмодзи. О важности таких элементов для цифровой коммуникации свидетельствует не только их повсеместное употребление, но и распространенность в русскоязычном интернете шуток типа «дед опять ногтей насыпал», а также спорадически возникающие обсуждения среди пользователей о смысле и особенностях использования более редких эмодзи типа «черная луна» и «ногти с лаком». Интересно, что как было показано в рецензируемой работе, даже наиболее привычные элементы эмотикона, в отношении которых существует иллюзия консенсусного употребления, на самом деле, могут трактоваться и использоваться по-разному разными группами пользователей. Такой результат – выявленная полисемичность единиц, которые большинству кажутся привычными и понимаемыми всеми однозначно, любопытные расхождения между «официальным» значением ряда эмодзи и реальным их употреблением – значим для исследований взаимопонимания и коммуникативных сбоев.

Согласно авторской формулировке, эмограммы как графические средства рассматриваются в работе с точки зрения трех аспектов: 1) семантической близости 2) влияния психологических параметров личности на использование и 3) влияния пола и эмоционального интеллекта пользователей на варьирование семантики. Я бы говорила о том, что **диссертация посвящена изучению эмограмм как специфических семиотических средств, используемых в тесной связи с вербальными средствами в мультимодальной устно-письменной коммуникации.** При этом, мне кажется, точнее было бы сказать, что эти семиотические средства, по сути, **анализируются в двух аспектах: семантическом (с точки зрения отношения этих знаков друг другу в системе) и прагматическом (в их отношении к пользователям).** В свою очередь уже этот прагматический аспект рассматривается более детально в ряде специфических проявлений, влияющих на интерпретацию и функционирование этих единиц.

Важно также отметить, что авторский подход, направленный на то, чтобы рассмотреть эмограммы в контексте толкований пользователей и векторной семантики **намечает важные линии кросс-модальных взаимодействий между вербальными и иконическими элементами сообщений в цифровой среде.** Отсюда и «переводимость» между ними, в

том числе и возможность разработки автоматизированного переключения смыслов единиц одного типа в другие, о чем пишет автор в заключении. **Удачное комбинирование методов корпусного, статистического анализа, обратного семиотического перевода с данными психолингвистического опроса и моделирования позволяет посмотреть на эту весьма комплексную проблему с разных сторон и получить более полное и многогранное описание объекта исследования.**

К сильным сторонам работы следует отнести **логичность, последовательность изложения; мысли поданы компактно:** теоретические идеи разных авторов, на которые опирается И.А. Обухова в своей работе обобщены и сконцентрированы до сути. Автор посвящает **достаточно внимания проблеме соотношения сходных терминов**, разнице в терминологии различных исследователей (эмотикон, эмодзи, смайлик, пиктограмма, идеограмма и т.д.). Рассматривается обширный список источников (224 ед., из них 96 на иностранном языке). При этом **автор обычно четко обозначает собственную позицию по рассматриваемым теоретическим вопросам**, стараясь оградить читателя от неверных трактовок своих положений, что значительно облегчает восприятие текста.

В анализе практического материала также легко проследить логику перехода от результатов проверки одной гипотезы к следующим этапам анализа, что хорошо видно, например, в логическом переходе от выводов по главе II к дополнительной гипотезе и ее проверке в главе III. **Применяемый алгоритм анализа позволяет изучить эмограммы не как простой набор элементов, а как систему**, в которой отдельные составляющие сложным образом соотносены друг с другом по линиям тональности, силы, близости – дальности передаваемых смыслов с учетом возможных вариантов интерпретаций, зависящих от пола и психологических особенностей пользователя (уровня эмоционального интеллекта). **Полученные результаты дополнительно математически проверяются на стабильность выявленных тенденций**, представлены в наглядной графической форме в таблицах с отсылками к соответствующим приложениям. Все вышеуказанные особенности диссертации **обеспечивают достоверность полученных результатов, надежность и убедительность выводов автора.**

Работа написана хорошим академическим языком и адекватно вычитана, прошла достаточную апробацию. Текст сопровождается подробными

приложениями. Диссертация соответствует паспорту научной специальности **5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика**, отражая значимые данные о мультимодальной цифровой коммуникации, семиотических ее аспектах и социальной вариативности языка, проблемах познания методами психолингвистики и математической и квантитативной лингвистики. Публикации автора в достаточной мере отражают полученные автором результаты и выводы.

В целом, можно сказать, что мы имеем дело с **хорошо подуманным и тщательно выполненным исследованием**, позволяющим **по-новому посмотреть на взаимоотношение вербальных и иконических элементов коммуникации** и предлагающим **комплексную, детально проработанную и обоснованную методику исследования** подобного материала.

Исследование **перспективно** не только для уточнения «словарных» определений эмограмм, разработки алгоритмов машинного анализа и обучения сетевых моделей для автоматической интерпретации эмоциональной окраски сообщений, как это отмечается автором работы. Было бы очень интересно применить предложенную методику для изучения понимания и использования эмограмм различными возрастными группами пользователей – в настоящее время заметно, как сообщество все больше фокусируется на поколенческих предпочтениях в употреблении тех или иных знаков. Отсюда ностальгия по старым эмодзи типа «смайлик, убивающий себя об стену» (комментарии из сети ВКонтакте типа «Смайл бьющийся об стену до сих пор ничем годным заменить не могут!», «Жаль в ВК нету этих смайлов из аськи»); обсуждения того, насколько «косой смеющийся до слез» смайл признак сообщения от миллениала, дискуссии о разнице в трактовке смайлов типа «череп с костями» у зумеров и более старших поколений и т.п. Также, возможно, методика была бы применима к анализу данных по пользователям разных типов устройств, где одни и те же стандартные наборы эмодзи представлены в разном графическом исполнении.

ВОПРОСЫ И ЗАМЕЧАНИЯ не затрагивают фундаментальные положения работы и не влияют на общую высокую оценку подготовленного автором комплексного и содержательного научного труда:

1) На с. 5 автор предлагает следующую формулировку: «*Эти графические средства становятся все более значимой частью арсенала средств вербальной электронной коммуникации*». Я была бы все-таки не склонна относить сами эмограммы в число вербальных средств. Они, безусловно, очень плотно встроены в устно-письменную коммуникацию и тесно взаимодействуют с вербальными средствами в сообщениях, могут даже замещать их, а не только дополнять, что и делает возможным разговор об их «переводимости» и анализе через языковые толкования к векторным, как это делается в работе. Однако сами по себе эмограммы все-таки средства другой семиотической системы, принадлежащие к иному коду. Если автор все-таки настаивает на том, что их следует рассматривать как языковые средства (на с.17 отмечается необходимость «расширения естественного языка, который включал бы не только обычные слова, но и символы-сокращения, эффективно кодирующие стандартные смыслы»), это требует более развернутого обоснования.

2) В работе, как уже было сказано, заявлено, что автор изучает эмограммы, в состав которых относит эмодзи и эмотиконы, но большая часть анализа — это видно уже по оглавлению — посвящена только первой из упомянутых групп. Таким образом, наблюдается некоторый перекос внимания в сторону только одного из типов эмограмм.

3) Автор употребляет по отношению к опрашиваемым носителям языка взаимозаменяемо то обозначение «респонденты», то «информанты», иногда (с. 50) в соседних абзацах. В контексте работы, учитывая, что велся опрос рядовых носителей языка, а не глубинные интервью со специалистами, уместно было бы остановиться на термине «респонденты».

4) В части исследования влияния эмоционального интеллекта респондентов на толкования эмодзи потенциально уязвимым местом в методологии мне видится то, что для разделения респондентов на группы по уровню эмоционального интеллекта использовался метод диагностики Д. В. Люсина, а это не столько тест на эмоциональный интеллект, сколько опросник, основанный на самооценке отвечающих. Теоретически он скорее измеряет то, как отвечающие видят свой эмоциональный интеллект, а не то, какой он у них на самом деле, и между этими показателями возможны зазоры и расхождения. Здесь, конечно, требуется консультация специалиста-психолога, но мне кажется, стоило бы в будущем ввести какие-то дополнительные, контрольные тесты на нарциссизм или всю темную триаду,

чтобы минимизировать возможные искажения представлений респондентов о собственной эмпатичности и эмоциональной чуткости.

5) На с. 105 утверждается, что «полученные количественные данные по итоговому индексу каждого эмодзи являются прямым измерением их коннотативного содержания». Действительно ли речь идет о дополнительных смыслах, а не прямом наименовании эмоций, как это было бы в словах типа «радоваться», «любить» и т.д., где такие смыслы часть денотативного, а не коннотативного значения? Насколько отчетливо, без привлечения контекстного анализа конкретных примеров употребления, в случае с эмодзи вообще можно различать случаи, когда семиотическая единица выражает эмоцию vs. называет эмоцию?

6) На с. 137 утверждается следующее: «Предполагаем, что два последних знака (😬 и 🤨), которые имеют наименьшие показатели косинусного сходства с целевым эмодзи и, соответственно, взаимозаменяются на него в схожих контекстах в наименьшей степени, используются в переносном значении, поскольку относятся к знакам позитивной семантики, а запрашиваемый эмодзи 🙄 – к отрицательной. Отметим, что эти два эмодзи встречаются только в группе мужчин с высоким ЭМИн. Вероятно, эта группа информантов предпочитает «сглаживать» негативный контекст за счет использования позитивных знаков». Насколько автору такое объяснение кажется более вероятным (и почему) по сравнению с альтернативным толкованием, что таким образом, пользователи, напротив, обостряют за счет ироничного использования этих эмодзи? Ведь далее (в обсуждении эмодзи 😬) автор также отмечает, что некоторые положительные знаки могут функционировать в саркастических или ироничных контекстах.

Мелкие технические погрешности и опечатки: с. 56 «...к так называемой тактике «флейма» – открытым оскорблениям [Смирнова 2019: 79]» - пропущена точка в конце предложения; с. 59 «в частности – экстраверсии и открытости опыта» - падеж, опыту?; с. 63 «В частности_ использовались семь словарей оценочной лексики» пропущена запятая, обособляющая «в частности».

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней:

Я, Трощенко Екатерина Владимировна, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

«11» февраля 2026 г.

E-mail: spbu@spbu.ru

14.02.2026

